

нацією, водночас не відмовилися від громадського служіння слова. Спираючись на “філософію серця”, вони поєднали принципи краси і правди, шукали нових форм для вираження туги за прекрасним світом, внутрішніх переживань модерної людини.

Література

1. Попович М. В. Нарис історії культури України. К. : АртЕк, 1999. 728 с.
2. Сріблянський М. Порожнє місце. Українська хата, 1913. Т. 5. С. 300–307.

Лиденкова О. А.,
кандидат філалагічних наук, доцент
Гомельській державний університет
імені Ф. Скорины (Беларусь)

ГАРМОНИЯ И ХАОС: МОТИВ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ БЕЛАРУСИ И БРИТАНИИ

Мотив власти лежит в основе очень многих, если не большинства произведений исторической прозы, и отражает свойственный жанру постоянный поиск как корней прошлых и нынешних национальных кризисов, и потрясений, так и постоянный поиск средств стабилизации и гармонизации общества. Власть в исторической прозе представлена как сложный многогранный феномен, включающий множество вариантов репрезентации, наиболее очевидный из которых – власть государственная. Ярко выраженный интерес к этой стороне феномена наглядно демонстрирует творчество белорусских авторов более старшего поколения (80-х 90-х годов XX века). Достаточно взглянуть на названия и *Погоня на Грюнвальд*”, 1986), В. Чаропко (*“Храм без бога” о гетмане Михаиле Глинском*, 1992), Л. Дайнеко (*“Меч князя Вячки”*, 1987, *“След ваўкалака” о полоцком князе Всеславе Чародее*, 1988), В. Орлова (*“Дзень, калі упала страля” о полоцком князе Владимире*) и многих других.

Повышенный интерес именно к власти абсолютной, деспотичной определяют несколько факторов. С одной стороны, именно такой правитель становится концентрированным персонифицированным воплощением самого этого понятия, что позволяет нагляднее исследовать как саму ее природу, так и последствия ее воздействия на человеческую природу в целом. Писателей интригует само осознание того, как ошибки, навязчивой идеи или слепой страсти одного-двух человек может быть достаточно для изменения судеб сотен тысяч людей, что единоличное решение, принятое столетия назад в какой-то степени определило не только прошлое, но настоящее и, возможно, будущее, в котором нам предстоит жить. Прямо, хотя и несколько упрощенно эту ситуацию формулирует, например, К. Тарасов в финале романа *“Апошнія каханне князя Міндоўга”*: *“Так загас род Міндоўгавічаў <...> А ці было б з усімі гэтымі людзьмі інакш, калі б князь Міндоўг не пакінуў Агну пры сабе?”* [4].

Второй фактор – сам масштаб личностей главных героев подобных произведений. Свойственная жанру тенденция искать исторические параллели заставляет авторов сравнивать политические фигуры прошлого и настоящего как возможные ролевые модели. Британская писательница Х. Мэнтелл, дважды получившая Букеровскую премию за книги о временах правления Генриха VIII, сравнивая личность Томаса Кромвеля, главного героя ее трилогии, с *“narrow” leaders in power today*”, ищет в его истории возможные варианты ответа на вызовы современности: *“I think he was a rare creative spirit in government, I think he was much more than the king’s enforcer and this is what I seek to show through my novels... The fact that the range of reference of our leaders is*

so narrow is something that makes us very vulnerable and exposes us to other ideologies which we do not understand” [3]. Поэтому, когда Мэнтелл нередко просят сопоставить фигуры Кромвеля и современных политиков, сравнение оказывается не в пользу последних: “Well, let me tell you about Jonathan Powell and Alistair Campbell: Thomas Cromwell would have eaten them for breakfast” [3]. Современное поколение белорусских писателей в своих произведениях также все чаще отмечают эту тревожную слабость духа более поздних правителей, которая приводит к катастрофическим последствиям. Лейтмотивом становится идея о том, что прошло время великих героев и князей (некоего абстрактно-утопического “золотого века”), когда даже если один оказывался неспособным править, рядом всегда было достаточно тех, кто готов взять бремя власти на себя. Настало время людей осторожных, слабых личностей и слабых правителей, которые готовы пользоваться выгодой своего положения, но не готовы при этом ничем жертвовать и рисковать: “А яму апастылела кіраваць! З яго вось так хопіць кавалачка зямлі, наякім хатка памесціцца” [5, 256]. Но, как показывают многие авторы, подобная позиция неизменно приводит к усугублению кризисных тенденций и равнозначно отказу от контроля над собой и своей судьбой, как делают герои еще одного произведения с символическим названием “Нічыя”: “Але раз ужо выбар, дык сто разоў правы Лебедзеў – тады на баку мацнейшых! Каб хутчэй скончылася ўсё гэта. Каб хоць хто перамог нарэшце. І напляваць хто: немцы ці палякі, рускія ці беларусы! Галоўнае, будзе ціха. Будзе жыццё” [5, 257]. Вопрос о возможности и перспективах подобной жизни автор оставляет открытым.

В то же время властью наделены не только главы государств. Современные авторы последовательны и даже радикальны в своей апологии простого человека, что частично является проявлением любви постмодернистской литературы к изгою, маргиналу. Писатели придерживаются схожей концепции героя, которому – своеобразной архетипической золушке – дается шанс добиться признания благодаря таланту и заслугам, и на их примере мы видим, хотя бы как минутное видение возможность другого, гармоничного и справедливого общественного устройства: “There is a world beyond this black world. There is a world of the possible. A world where Anne can be queen is a world where Cromwell can be Cromwell. He sees it; then he doesn't” [1, 336]. Уникальное по масштабности и глубине исследование власти на самых различных ступенях иерархии и общественного положения представляет собой двадцатитомный цикл П. О'Брайана “The Aubrey-Maturin series”. На многочисленных примерах О'Брайан демонстрирует, что власть родителей над ребёнком, чиновника над просителем, некомпетентного офицера на поле боя, капитана над командой так же абсолютна и провоцирует те же злоупотребления, что и власть любого древнего тирана над своими подданными, и при определенных обстоятельствах каждый из нас может стать жертвой “dehumanising effects of the exercise of authority” [2, 164]. Основной постулат П. О'Брайана о том, что маленькие люди также любят играть в тиранов и деспотов, как и наследственные монархи, и что разрушительная тяга человека к властвованию над другими неискоренима, находит отражение и в творчестве белорусской писательницы Л. Рублевской. Оппозиция главенства и подчинения – один из основополагающих мотивов ее произведений.

Таким образом, несмотря на объективные расхождения в выборе материала, различия культуры и менталитета, белорусские и британские авторы на современном этапе демонстрируют очень схожие способы репрезентации различных вариантов властных отношений. Прослеживается глубокое недоверие к государственной власти и эффективности ее институтов, достаточно вспомнить характеристику “bald-pated pantaloons”, “British boobies” которую дают министрам и членам адмиралтейства герои О'Брайана, народное обращение к королю “Your Moronship” в “A Place of Greater

Троянди й виноград: феномени естетичного і прагматичного в літературі та культурі

Safety” Х. Мэнтелл, превалирующее желание дистанцироваться от политики и правящих сил героев белорусских произведений: *“Зашыцца ў які лес, зямлянку выкапаць і жыць у ёй, пакуль не скончыцца ўсё”* [5, 258]. Общим является восприятие любой власти как искушающей губительной деструктивной силы, подчеркнутое несоответствие полномочий, меры ответственности, и достоинств, личных качеств правителей. Отличия гораздо менее значимы, и основное из них – акцент на юридический, правовой аспект гражданских отношений у британских авторов, когда даже деспотичные правители вынуждены обосновывать свои действия хотя бы видимостью суда и справедливости.

Література

1. Mantel H. *Wolf Hall: a Novel*. Henry Holt and Co., 2009. 653 p.
2. O'Brian P. *H.M.S. Surprise*. Folio Society, 2009. 379 p.
3. Wood Heloise. “Mantel’s Last Cromwell Novel “Likely to Miss Summer 2018”. The Bookseller, 4 July 2017. URL: www.thebookseller.com/news/mantel-cromwell-he-would-have-eaten-alistair-campbell-breakfast-582211 (Date of access: 12.04.2018).
4. Тарасаў, К. Апошняя Каханне Князя Міндоўга. URL: knihi.com/Kastus_Tarasau/Aposniaje_kachannie_kniazia_Mindouha.html (Дата доступу: 10.04.2018).
5. Федарэнка А. Нічые. Мінск: Мастацкая Літаратура, 2009. 430 с.

Лисанець Ю. В.,
кандидат філологічних наук,
ВДНЗУ “Українська медична стоматологічна академія”
(м. Полтава)

ОНТОЛОГІЯ ТІЛЕСНОСТІ У ЛІТЕРАТУРНО-МЕДИЧНОМУ ДИСКУРСІ ПРОЗИ США

Категорія тілесності як спосіб самоусвідомлення, освоєння і сприйняття світу становить одне з ключових естетико-філософських понять, що обумовлює буття людини, її свідоме “Я” [2]. Дослідження проблеми тілесності базується на синтезі гуманітарного і природничого (зокрема, медичного) знання, а вивчення її репрезентації у художній літературі розкриває особливості картини світу окремого твору, літературного напрямку і національного світогляду в цілому, що й зумовлює актуальність даної розвідки.

Мета дослідження – простежити трансформацію парадигми людської тілесності в американській прозі XIX-XX століть. Наукова розвідка є першою спробою з’ясувати специфіку втілення категорії тілесності у літературно-медичному дискурсі американської прози в діячості. Дискурс тілесності у прозі США XIX-XX століть досліджено на матеріалі творів Натаніеля Готорна (оповідання “Родимка” (“The Birthmark”, 1843)), Едгара Аллана По (оповідання “Правда про те, що трапилося з містером Вальдемаром” (“The Facts in the Case of M. Valdemar”, 1845)), Марка Твена (оповідання “Ті надзвичайні близнята” (“Those Extraordinary Twins”, 1894)), Стівена Крейна (новела “Чудовисько” (“The Monster”, 1898)), Френсіса Скотта Фіцджеральда (оповідання “Загадкова історія Бенджаміна Баттона” (“The Curious Case of Benjamin Button”, 1922)), Говарда Лавкрафта (оповідання “Герберт Вест, реаніматор” (“Herbert West – Reanimator”, 1922)), Рея Бредбері (оповідання “Перетворення” (“Chrysalis”, 1942, опубл. 1946)), Джона Апдайка (роман “Кентавр” (“The Centaur”, 1963)), Семюела Шема (роман “Дім Божий” (“The House of God”, 1978) і Курта Воннегута (есе “Боже, благослови Вас, докторе Кеворкян” (“God Bless You, Dr. Kevorkian”, 1999)).